

Ислам, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750016589-9

Оригинальная статья / Original article

Постисламизм: особенности, процессы и перспективы

© Хайруллин Т.Р.^a, 2021

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5418-2792
jumglaw16@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена анализу такого неоднозначного явления, как постисламизм, который возник в качестве альтернативы подвергшимся в 1990-е гг. кризису идеям исламизма. Отличительной чертой постисламистских идей является их сочлененность с принципами демократии в условиях глобализирующегося мира. В отличие от исламизма, постисламизм делает акцент на правах отдельно взятого человека вместо его обязанностей. Однако эти прогрессивные идеи не смогли стать полноценной заменой исламизму, поскольку снижение его популярности в конце XX в. оказалось временным. Успехи ряда исламистских партий в парламентских выборах в начале XXI в. стали тому подтверждением.

События «арабской весны» внесли существенные корректировки в идеологическую архитектуру региона. На волне падения авторитарных режимов и роста призывов к расширению прав и свобод человека произошла активизация исламистских движений - от умеренных до ультрадикальных. На фоне победы умеренных исламистов в парламентских выборах в Египте, Тунисе и Марокко вновь заговорили о наступлении фазы постисламизма. Однако неудачи исламистов в вопросах достижения политической власти и создания исламского государства являются, скорее, тактическим сдвигом в их политике, чем стратегическим. Немногие исламистские движения отказались от своей цели создания исламского государства с полноценным применением исламского права.

Поскольку исламизм неоднозначен, границы между ним и постисламизмом до сих пор размыты и неточны. Несмотря на это постисламизм представляет собой более интеллектуальный дискурс об исламе, его месте в современном мире и обществе.

Ключевые слова: исламизм, постисламизм, Ближний Восток, «Братья-мусульмане», Арабский мир, «арабская весна»

Для цитирования: Хайруллин Т.Р. Постисламизм: особенности, процессы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 34-39. DOI: 10.31857/S032150750016589-9

Post-Islamism: Features, processes and prospects

© Timur R. Khayrullin^a, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5418-2792
jumglaw16@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of such an ambiguous phenomenon as Post-Islamism, which emerged as an alternative to the ideas of Islamism that were subjected to the crisis in the 1990s. A distinctive feature of Post-Islamic ideas is their compatibility with the principles of democracy in a globalizing world. Unlike Islamism, Post-Islamism focuses on the rights of an individual instead of his duties. However, these progressive ideas could not become a full-fledged replacement for Islamism, since the decline in its popularity at the end of the XX century turned out to be temporary. The success of a number of Islamist parties in the parliamentary elections at the beginning of the XXI century became a confirmation of this.

The events of the Arab Spring have made significant adjustments to the ideological architecture of the region. In the wake of the fall of authoritarian regimes and the growth of democratic calls for the expansion of human rights and freedoms, Islamist movements from moderate to ultra-radical have intensified. Against the background of the victory of moderate Islamists in the parliamentary elections in Egypt, Tunisia and Morocco, they again started talking about the onset of a phase of Post-Islamism. However, the failures of the Islamists in achieving political power and creating an Islamic state are more a tactical shift in their policy than a strategic one. Few Islamist movements have abandoned their goal of creating an Islamic State with the full application of Islamic law.

Since Islamism is ambiguous, the boundaries between it and post-Islamism are still blurred and inaccurate. Despite this, post-Islamism is a more intellectual discourse about Islam and its place in the modern world and society.

Keywords: Islamism, post-Islamism, Middle East, Muslim Brotherhood, Arab World, Arab Spring

For citation: Timur R. Khayrullin. Post-Islamism: Features, processes and prospects. *Azия и Африка сегодня*. 2021. № 9. Pp. 34-39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016589-9

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже 1970-1980-х гг. исламизм в его традиционной версии обрел свою силу в результате провала предшествовавших ему националистических проектов, представив себя в качестве альтернативного, перспективного и восходящего проекта. Однако исламисты столкнулись с репрессиями и политикой сдерживания со стороны светских авторитарных государств. По этому поводу французский исследователь Ф.Бюрга заявил, что провал или «неуместность» исламизма является, в первую очередь, результатом неспособности различных исламистских движений победить диктаторские режимы [1].

Другие зарубежные ученые заявили, что исламизм - т.е. целостная, популистская и часто революционная идеология, целью которой является создание исламского государства и управление всеми аспектами общества в соответствии с исламскими принципами - зашел в тупик [4; 5; 6; 7; 8]. В качестве выхода из кризисной ситуации предлагалась новая альтернативная модель в виде постисламизма.

Вот уже более трех десятков лет постисламизм находится в центре дебатов в академических кругах относительно исторической эволюции исламизма. Эта концепция была выдвинута в начале 1990-х гг. как попытка осмыслить очевидный кризис исламизма, развитие консервативной формы которого возглавила Саудовская Аравия. Роль саудовского королевства как ведущей исламистской силы оказалась частично подорвана действиями Ирака, захватившего Кувейт, и появлением американских войск на территории Саудовской Аравии. Помимо этого, активность саудовцев в продвижении исламистского проекта была замедлена падением цен на нефть в период 90-х гг. ХХ в. [32].

ПОСТИСЛАМИЗМ КАК РЕАКЦИЯ НА КРИЗИС ИСЛАМИЗМА

Впервые в научный оборот термин «постисламизм» был введен французским ученым Оливье Каром в 1991 г. в работе «*L'Utopie islamique dans l'Orient Arabe*» [2]. Наряду с ним родоначальниками постисламистской идеологии считаются, французский ученый Оливье Руа и американо-иранский исследователь Асеф Баят.

Для О.Кара постисламизм - это единственный вариант выхода мусульманской общественно-политической мысли из ловушки¹, в которую она попала с 1920-х гг., т.е. с начала антиколониальной борьбы [3; 2]. Изучая внутриполитическую ситуацию в Иране А.Баят определил постисламизм как состояние, при котором после ряда экспериментов исчезают привлекательность, энергия, символы и источники легитимности исламизма даже среди его некогда ярых сторонников. Постисламизм представляет собой попытку объединить религиозность и права, веру и свободу. Это попытка перевернуть основополагающие принципы исламизма с ног на голову, сделав акцент на правах вместо обязанностей, плюрализме в пространстве единственного авторитарного голоса, историчности вместо фиксированного Священного Писания и будущем вместо прошлого [4]. При этом постисламизм не является антиисламским, а скорее отражает тенденцию к ресекуляризации религии. В первую очередь, он призывает ограничить политическую роль религии [5].

Схожей с А.Баятом точки зрения придерживается О.Руа, который утверждает, что исламисты во всем мире не смогли воплотить свою идеологию в конкретный и жизнеспособный план развития общества [6; 7]. Помимо этого, О.Руа считает, что переориентация исламистских движений и отдельных мусульман на религиозность и уход от политики является признаком провала политического ислама. Такой тенденции способствовали, глобализация и вестернизация как независимые переменные, оказавшие колossalное влияние на сознание и поведение мусульман. На этом фоне, отказ исламистов от транснациональной солидарности и их новая ориентация на национальную политику являются еще одним признаком провала исламизма [6]. Неслучайно одна из его работ называется «Глобализированный ислам: поиск новой уммы» [7].

Несмотря на то, что исламисты не смогли прийти к власти в большинстве мусульманских стран, этот сдвиг можно трактовать как тактический, а не стратегический по своему характеру, поскольку немногие исламистские движения отказались от своей цели создания исламского государства с полноценным применением исламского права.

Отметим, что исследования О.Кара, О.Руа и А.Баята утвердили в зарубежных академических кругах формирование постисламистского дискурса для обозначения того, что они считают изменением взглядов и стратегий исламистов после т.н. кризиса исламизма [8; 9; 10; 2; 6; 7].

Поскольку создание исламского государства является важнейшей целью исламистов и поскольку эта цель в чистом виде так и не была воплощена в жизнь, пакистанский ученый Х.Амин определил постисламизм в качестве новой интеллектуальной реакции и социальной тенденции в мусульманских обществах. Такая реакция и тенденция возникли в связи с многогранным кризисом идеи и практики создания идеального исламского государства [11]. По мнению американского исследователя Х.Лаузиере, немаловажное

¹ Под ловушкой, судя по всему, О.Кар имеет в виду формирование идеологии исламизма и его основной цели создания исламского государства в первой половине - третьей четверти ХХ в., которая так и не была достигнута. Эта цель в чистом виде для постисламистов утопична (прим. авт.).

значение здесь играет то, что в исламизме реисламизация (создание исламского государства) идет сверху вниз, в то время как в постисламизме - снизу вверх [12].

Разделяя идеи А.Баята об особенностях постисламизма, Х.Амин отмечает, что постисламисты отошли от спора исламского и светского государства в пользу демократического государства, и что постисламисты отказались от исламистских представлений об исламизации государства и сосредоточились на идее реисламизации личности и общества. Например, в постисламистском дискурсе *джихад* (в противовес идеям С.Кутба и М.Маудуди²) в смысле вооруженной борьбы становится инструментом защиты человеческой свободы и поддержания правопорядка, а не священной самоцелью в деле распространения религии и не вооруженным джихадом, а оборонительным [11].

Профессор из сингапурского исследовательского центра М.Осман определяет постисламизм как отказ от строгого соблюдения исламских законов и сосредоточение на более эгалитарных аспектах ислама, таких как социальная справедливость, защита прав человека и создание политической системы, свободной от коррупции [13].

В постисламистской интерпретации, исламизм как политическая идеология «обращена в прошлое», в то время как постисламизм является идеологией, которая в состоянии подстроиться под современные реалии и не несет угрозы политическим системам. Отметим, что поскольку исламизм неоднозначен, границы между ним и постисламизмом до сих пор размыты и неточны. В любом случае постисламизм представляет собой более интеллектуальный дискурс об исламе и его месте в современном мире и обществе.

ИРАН И ТУРЦИЯ КАК «ПИОНЕРЫ ПОСТИСЛАМИЗМА»

Первым примером постисламизма, по мнению одного из идеологов данного направления А.Баята, был Иран.

Кульминацией исламистских процессов в Иране стала громкая победа Исламской революции над режимом шаха в 1979 г. Постепенный переход к постисламизму произошел позже, после того как политическое разочарование началось в Иране в середине 1980-х гг. и усилилось в начале 1990-х гг. с приходом к власти либерально настроенной элиты, которая не верила в осуществимость «экспорта исламской революции» по всему мусульманскому миру.

Очевидный прагматизм нового подхода к исламистскому проекту заключался в стремлении исламизировать те общины и государства, которые проявляют лояльность по отношению к Тегерану. Во внутренних делах, по мнению А.Баята, постисламизм выражался в идее слияния ислама (как персонифицированной веры) с индивидуальной свободой и выбором, ассоциируясь с ценностями демократии и аспектами современности [4; 5].

Следующим успешным примером, по мнению постисламистов, является Турция.

Правящая исламистская Партия справедливости и развития (ПСР) представила интересный пример того, как неудачи исламистов в правительстве в середине 1990-х гг. привели к их переосмыслению и, в конечном итоге, приходу к власти ПСР в 2003 г. Победив на выборах, ПСР изменила свои приоритеты с глобальной шариатизации на демократию и национальное государство. Более того, при исламистах сохранилась многопартийная демократия и наблюдался значительный экономический рост [14; 15]. ПСР отрицает, что является исламистской партией, а ее лидер Р.Т.Эрдоган выступает за неосекуляризм, который, по его мнению, не противоречит исламу [16].

В своем исследовании развития постисламизма в Турции ученые из австралийского аналитического центра Энтони Бубало, Грег Фили и Уит Мейсон измеряют его по 6-ти переменным. К ним относятся - смещение акцента с цели создания государства, обеспечивающего соблюдение шариата, на пропаганду шариатских ценностей; все большее внимание уделяется «благочестивому» управлению, а не «исламскому» управлению; все большее внимание уделяется моральной привлекательности исламистских кандидатов, а не их соответствуя кораническим посланиям; растущее разнообразие членства в исламистских партиях и движениях; рост терпимости к оппозиции и, наконец, плюрализм мнений в политике, поскольку различные фракции соперничают за контроль в формировании повестки дня в демократическом контексте [17].

Несмотря на то, что на рубеже 1990-2000 гг. Иран и Турция предприняли активные действия в сторону демократизации, отнесение их моделей государственно-политического развития к постисламистским является, на наш взгляд, преждевременным.

К примеру, в Турции расширение гражданских прав в начале 2000-х гг. связано со стремлением государства войти в Европейский Союз. Несмотря на то, что ПСР отрицает свою принадлежность к разряду исламистских партий, она имеет тесные связи с транснациональной организацией «Братья-мусульмане» [18]. В 2008 г., ПСР в ходе разбирательств в Конституционном суде с большим трудом избежала своего закрытия из-за обвинений в нарушении «секулярных» статей конституции [19]. События «арабской весны» подтвердили «поворот Турции на Восток», когда она совместно с Катаром предприняла активные действия по поддержке «Братьев-мусульман» в ряде арабских стран для укрепления своих региональных пози-

² С.Кутб (1906-1966) и М.Маудуди (1903-1979) - мусульманские философы и богословы; теоретики исламизма, в т.ч. его радикального направления (прим. авт.).

ций [20]. Что касается концепции секуляризма правящей исламистской партии, то она имеет существенные отличия от классической интерпретации секуляризма и носит, скорее, тактический характер, чтобы показать, что Турция является развитым демократическим государством.

В Иране политика либерализации политической, экономической и социальной жизни, а также терпимого отношения к культуре и установления более тесных связей со странами Запада в период 1990-х гг., сменилась консервативно-охранительной политикой президента М.Ахмадинежада, выступавшего за возрождение традиционной исламской культуры и ограничение внешнеполитических связей со странами Запада.

Более того, применимость идей постисламизма в рассматриваемый период была поставлена под сомнение, поскольку некоторые исламистские партии, далекие от политического истощения, на протяжении 2000-х гг. доказывали, что их электоральный потенциал все еще силен и что достижение политической власти является важнейшей целью. К примеру, репрессии и жесткие ограничения в избирательных правилах не помешали египетским «Братьям-мусульманам» показать хорошие результаты на выборах в законодательные органы в 2005 г. Марокканская Партия справедливости и развития также хорошо зарекомендовала себя на рубеже 1990-х - 2000-х гг., показав позитивную динамику роста депутатских мандатов в законодательном органе страны.

ПОСТИСЛАМИЗМ И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»

«Арабская весна» вызвала очередную волну предсказаний о «закате исламизма» и наступлении нового «постисламистского рассвета» [21; 22]. Призывы народных масс в революционных событиях к справедливости и демократии расценивались как «критика исламизма изнутри и извне», и проявление воли «постисламистского общества», которое хочет выйти за рамки традиционной исламской политики, подчеркивая права людей, а не только их обязанности.

По мнению А.Баята, провал исламизма в период событий «арабской весны», по-видимому, ведет прямо к либеральной демократии в рамках светского гражданского государства с сохранением «благочестивого общества» [23]. Описывая новое постисламистское общество западноевропейский исследователь Ф.Каваторта, использует термин «новые исламисты» при описании новой религиозности, связанной с арабским восстанием и спонтанным сотрудничеством с институционализированным политическим исламом [24; 25].

В период событий «арабской весны» новыми примерами построения постисламистского общества стали Тунис и Марокко. Успех «Братьев-мусульман» в Египте, судя по всему, трудно вписывается в постисламистскую парадигму из-за его кратковременности и неспособности египетских исламистов удержаться на политической арене.

Тунисская исламистская партия «Возрождение» (ан-Нахда), продемонстрировала твердую готовность идти на компромисс и принимать консенсусные решения, далекие от ее первоначальных исламистских идеологических принципов [26]. Итогом парламентских выборов 2011 г. стала убедительная победа ан-Нахды, получившей 89 мест из 217. Пройдя в парламент созыва 2011-2014 гг., исламисты образовали парламентскую коалицию «Тройка» с Демократическим форумом за труд и свободы и Конгрессом за республику, заняв в совокупности 138 депутатских кресел и получив тем самым возможность оказывать доминирующую влияние на работу тунисского парламента [20].

Тактическое сближение ан-Нахды с неисламистскими партиями показывает ее pragmatism, а также способность идти на компромисс ради достижения общих целей - переходу от авторитаризма к демократии. Лидер ан-Нахды Р.Аль-Ганнуши не раз высказывался о совместности ислама с демократическими ценностями и выступал за достижение справедливости и свободы в тунисском обществе [27]. Однако проявляемая умеренными исламистами политика сочетаемости ислама с элементами демократии затормозилась, когда парламентские выборы 2014 г., проведенные на основе новой конституции, не позволили исламистам закрепиться у власти. Партия «Возрождение» набрала 28% голосов и сформировала вторую по численности депутатскую фракцию в парламенте. Исламисты были отстранены от активной политики, однако, в отличие от египетских «Братьев-мусульман», сумели остаться на политической арене.

В Марокко исламистская Партия справедливости и развития (ПСР), воспользовавшись благоприятной политической конъюнктурой, выступала за расширение прав и свобод марокканского народа. Демократические лозунги позволили ПСР достичь победы на парламентских выборах 2011 г., а ее представителю возглавить правительство. Несмотря на то, что законодательные возможности ПСР постоянно сдерживались королевской властью, ей удалось повторить успех на следующих парламентских выборах 2016 г. и оставаться на политическом олимпе. По мнению бельгийского исследователя С.Земни, ПСР является постисламистской в том смысле, что она не столько стремится восстановить «первоначальный исламский город времен пророка», сколько пытается создать социальный порядок, в котором справедливость гарантирована через уважение к исламским ценностям, которые имеют свою генеалогию в священных текстах [28].

Если примеры Ирана и Турции относительно построения постисламистского общества носят неустойчивый и сомнительный характер, то модели, которые приблизились к преобразованиям политического ислама, основанным на интеграции в демократический выбор, гражданское государство и разделение ре-

лигии и политики в опыте Туниса и Марокко, по-видимому, предполагают успехи, приближающиеся к сути постисламистской идеи.

Отметим, что на фоне активизации умеренных исламистских партий, на политическую арену в ряде арабских государств региона вышли салафитские партии, что говорит о существенных сдвигах в традиционной салафитской доктрине [31]. Однако активизация салафитов, по мнению теоретиков постисламизма, не вписывается в постисламистский дискурс. В частности, А.Баят призывает не принимать всерьез «политизацию салафитов» и считать это исключением в постисламистских трансформациях «арабской весны» [23]. Для О.Руя салафизм как идеология совершенно неуместна. Участие салафитов в политической борьбе объясняется им тем, что без парламентского присутствия они потеряли бы свое влияние в постисламистском будущем [23; 29].

Опираясь на исследования А.Баята и О.Руя, шведский исследователь М.Холдо отмечает, что в рамках постисламистской фазы, наступивший в результате «арабской весны» активизировались не только салафитские движения (вопреки отрицанию роли салафитов А.Баятом и О.Руя) но и феминистские движения, и «революционная» молодежь [30]. Эти три компонента, по мнению М.Холдо стали важными составляющими в формировании постисламистского общества.

Отметим, что поскольку салафизм в своей основе устремлен «в прошлое» и стремится возродить «чистый ислам» каковым он был во времена пророка Мухаммада и четырех праведных халифов, он ни в какой форме (направления в исламе либо консервативного салафитского исламизма) не может быть связан с прогрессивными идеями постисламизма. Только либерально настроенные умеренные исламисты могли дать развитие постисламистским идеям, которые могли быть продемонстрированы исламистскими партиями в Тунисе и Марокко, связанными идеологическим родством с «Братьями-мусульманами».

Неспособность исламистов в полной мере достичь заявленных целей в период событий «арабской весны» необязательно следует интерпретировать как провал исламизма, как утверждали А.Баят и О.Руя. С другой стороны, достижение умеренными исламистами политической власти внутри отдельных государств (Тунис, Марокко), а также выступление за совмещение ислама и демократии, говорит об изменяющейся природе исламистской идеологии, которая открывает его новые модификации. Появление среди прочих постисламистской интерпретации этих событий как раз говорит об этом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Довольно оперативное реагирование научного сообщества на кризис исламизма и появление постисламистских идей в начале 1990-х гг. является смелой и прогрессивной попыткой дать начало новому самостоятельному этапу, который бы сменил исламистские и предшествовавшие им националистические проекты. Однако эта попытка была преждевременной, поскольку кризис исламизма носил временный характер. Примеры Турции и Ирана на рубеже 1990-х - 2000-х гг. оказались сомнительными и неустойчивыми. Активизация исламистских партий и движений на протяжении 2000-х гг. доказывали, что их избирательный потенциал все еще силен и что достижение политической власти является важнейшей целью. Здесь можно согласиться с американским ученым Х.Лозьером, отмечавшим еще в 2005 г., что постисламистские идеи находятся в зародышевом состоянии [12].

Трансформационные сдвиги, произошедшие в период событий «арабской весны» показали глубокий потенциал и практическую применимость идей постисламизма. Однако пока рано списывать со счетов исламизм как идеологический этап, поскольку неудачи исламистов в вопросах достижения политической власти и создания исламского государства являются, скорее, тактическими, чем стратегическими. Немногие исламистские движения отказались от своей цели создания исламского государства с полноценным применением исламского права.

На наш взгляд, неудачи исламизма в 1990-е гг. и в период событий «арабской весны» являются его временным кризисом, который имеет циклический характер. Так называемый постисламизм, несмотря на свою заявку на самостоятельный идеологический этап, представляет собой лишь направление в исламизме.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Burgat F. 2005. Face to face with political Islam. London/NewYork: I.B. Tauris & Co.
2. Carre O. 1991. L'Utopie islamique dans l'Orient Arabe. Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques: Paris.
3. García L.G. 2012. Post-Islamism, the Failure of an Idea: Regards on Islam and Nationalism from Khomeini's Death to the Arab Revolts. *Religion Compass*. Vol. 6, № 10. Pp. 451-466.
4. Bayat A. 2007. Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn. Stanford: Stanford University Press.
5. Bayat A. 1996. The Coming of a Post-Islamist Society. *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*. Vol. 5. № 9. Pp. 43-52.
6. Roy O. 1999. Le post-islamisme. *Revue des Mondes Musulmans et de la M'editerran'ee*. Vol. 85, № 1. Pp. 11-30.
7. Roy O. 2004. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. New York: Columbia University Press.
8. Kepel G. 2002. Jihad: The Trial of Political Islam, 2nd ed., London: I.B.Tauris.
9. Kepel G. 2004. The War for Muslim Minds: Islam and the West. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.

10. Schulze R. 1998. The Ethnization of Islamic Cultures in the Late 20th century or From Political Islam to Post-Islamism. *Islam: Motor or Challenge of Modernity, Yearbook of the Sociology of Islam*. № 1. Pp. 187-198.
11. Amin H. 2010. From Islamism to Post-Islamism: A Study of a New Intellectual Discourse on Islam and Modernity in Pakistan. *Pakistan: Dissertation*.
12. Lauzière H. 2005. Post-Islamism and the Religious Discourse of 'Abd al-Salam Yasin. *International Journal of Middle East Studies*. Pp. 241-261.
13. Osman M.N.M. 2008. Reforming PAS: From Islamism to post-Islamism. Singapore: Rajaratnam School of International Studies Commentaries.
14. White J. 2005. The End of Islamism? Turkey's Muslimhood Model. Hefner R. ed., *Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization*. Princeton: NJ. Pp. 87-111.
15. Crowder G., Griffiths M., Hasan M. 2014. Islam, Islamism, and Post-Islamism: Rediscovering Politics after the War on Terror. *Australian Journal of Politics & History*. Vol. 60, № 1. Pp. 110-124.
16. Kuru A.T. 2013. Muslim politics without an "Islamic state": can Turkey's justice and development party be a model for Arab Islamists? *Policy Briefing*. Doha: Brookings Doha Center.
17. Bubalo A., Fealy G., Mason W. 2008. Zealous Democrats: Islamism and Democracy in Egypt, Indonesia and Turkey Australia: Lowy Institute Paper.
18. Хайруллин Т.Р. Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М., ИАфр РАН, 2019. 214 с. ISBN 978-5-91298-243-9.
19. Khayrullin T.R. 2019. The Struggle for Leadership in the Arab region. Do Islamists have a Chance?) Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-91298-243-9.
20. Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. С. 2-9. DOI: 10.31857/S03215075006519-2
21. Vasiliev A.M., Khayrullin T.R., Korotayev A.V. 2019. Qatari-Turkish Alliance challenge for regional leadership. *Asia and Africa today*. № 10. (In Russ.). DOI: 10.31857/S03215075006519-2
22. Bayat A. (ed.). 2013. Post-Islamism: The Many Faces of Political Islam. New York: Oxford University Press.
23. Bayat A. 2013. Arab Spring and its Surprises. *Development and Change*. Vol. 44. № 3. Pp. 587-601.
24. Cavatorta F. 2012. The success of 'renaissance' in Tunisia and the complexity of Tunisian Islamism. Madrid: The International Political Science Association Conference Paper.
25. Cavatorta F. 2012. The war on terror and the transformation of political Islam. *Religion Compass*. Vol. 6, № 3, Pp. 185-94.
26. Kömeçoğlu U. 2014. Islamism, Post-Islamism, and Civil Islam. *Current trends in Islamist ideology*. Vol. 16. Pp. 16-32.
27. Cavatorta F., Merone F. 2015. Post-Islamism, ideological evolution and 'la tunisianité' of the Tunisian Islamist party al-Nahda. *Journal of Political Ideologies*. Vol. 20. № 1. Pp. 27-42.
28. Zemni S. 2013. Moroccan Post-Islamism: emerging trend or chimera. *Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam*. New York: Oxford University Press, Pp. 134-156.
29. Roy O. 2012. The transformation of the Arab world. *Journal of Democracy*. Vol. 23. № 3. Pp. 5-18.
30. Holdo M. 2017. Post-Islamism and fields of contention after the Arab Spring: feminism, Salafism and the revolutionary youth. *Third World Quarterly*. Vol. 38. № 8. Pp. 1800-1815.
31. Хайруллин Т.Р. 2020. Политизация салафизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке. *Азия и Африка сегодня*. № 12. С. 19-26. DOI: 10.31857/S032150750012794-5
32. Vasiliev A.M. 2020. The Wahhabis and the Muslim Brothers: From Alliance to Alienation. *Regional and Global Implications. Journal of Globalization Studies*. Vol. 11. № 2. Pp. 55-62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хайруллин Тимур Радикович кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Timur R. Khayrullin, PhD (Political Science), Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
25.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
07.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
25.08.2021